

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

Д.С. Докучаев

Докучаев Денис Сергеевич (Иваново, Россия) — кандидат философских наук, докторант кафедры философии Ивановского государственного университета;
Email: den-dokuchaev@mail.ru

**«ДОЧКИ-МАТЕРИ»:
ЖЕНСКИЕ АЛЛЕГОРИИ ЭТНОРЕГИОНОВ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ
МОНУМЕНТАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ¹**

Статья посвящена исследованию постсоветских монументальных материнских образов в этнических регионах России. Автор статьи исходит из того, что особое место в символическом пространстве регионов занимает монументальная риторика. Она выступает одной из форм трансляции идеологических моментов. Памятники, барельефы, скульптурные группы используются в визуализации сюжетов, которые важны для государственной пропаганды. Монументальный образ, ориентированный, прежде всего, на наглядно-образное мышление, более эффективен, нежели любая другая аргументация.

В статье анализируются четыре материнских образа: «Мать-Бурятия», «Мать-Чувашия», «Мать-Якутия» и «Мать-Югра». Все эти монументы являются продолжением как дореволюционной традиции, так и канонов советской эстетики. Материнская монументальная риторика в этно-регионах России представляется разной по форме, однако, схожей по содержанию высказывания. Образ родной земли, совмещенный с образом матери, нашел отражение в самых различных по своему исполнению памятниках.

Автором делается вывод, что закрепленный в монументальной риторике образ родной земли, связанный с образом матери, служит важным ориентиром для выстраивания межэтнического диалога «семейного типа», при котором нация воспринимается в качестве семьи. При этом каждый такой монумент в этно-регионе выступает и в качестве «дочки» по отношению к «матери России», и в качестве собственной матери того или иного этноса. С позиций региона подобные материнские образы воспринимаются как своеобразные «правила грамматики» для семейной коммуникации между малой и большой Родиной. Страна и этно-регион монументально связываются архетипическими идеями родства, высказываниями матриликального характера. Этническая территория с помощью такого символического маркера как монумент вписывается в пространство «России Матушки».

Ключевые слова: региональная идентичность, Родина-мать, монументы, памятники, символическая политика, женские аллегории регионов

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

D.S. Dokuchaev

Denis Dokuchaev (Ivanovo, Russia) — PhD in Social Philosophy, Postdoctoral Fellow at Ivanovo State University;
Email: den-dokuchaev@mail.ru

"MOTHERS AND DAUGHTERS": FEMALE ALLEGORIES OF RUSSIA'S ETHNIC REGIONS IN THE POST- SOVIET MONUMENTAL RHETORIC

The article is devoted to the post-Soviet monumental maternal imagery in Russia's ethnic regions. The author supposes that monumental sculpture has a special place in the regions' symbolic space. It serves as a form of ideology. Monuments, bas-reliefs, sculptural groups are used in the visualization of topics, important for the state propaganda. The monumental image, focused primarily on the spatial visualization ability, is more effective than any other arguments.

The author analyzes four maternal imageries: "Mother Buryatia", "Mother Chuvashia", "Mother Yakutia" and "Mother-Yugra". All these monuments continue both the pre-revolutionary traditions and the canons of Soviet aesthetics. Maternal monumental rhetoric of Russia's ethnic regions can be different in form but similar in the content. The idea of the native land, combined with the idea of the mother, is reflected in various monuments.

The author concludes that the idea of the native land, connected with the idea of the mother, in each particular monument serves as an important reference point for building inter-ethnic "family-type" dialogue, in which the nation is perceived as a big family. In addition, each monument in an ethnic region acts as a "daughter" to the "Mother Russia", and each monument at the same time is perceived as a "mother" for the ethnic group. From the position of the region, maternal monuments are perceived as a kind of "rules of grammar" for a family communication between the small and the large Homelands. The country and the ethnic region are linked by the archetypal ideas of relationship and the statements of matrilocality. An ethnic territory fits into the space of "Mother Russia" with the help of the monument as a symbolic marker.

Keywords: regional identity, the Motherland, monuments, memorials, symbolic politics, the maternal symbol, the post-Soviet Russia

Введение

Современные политические процессы в России все чаще не поддаются никакому объяснению. То, что в конце 1990-х - начале 2000-х гг. еще существовало и называлось «realpolitik», в нынешнем поле власти России попросту отсутствует. А то, что сейчас именуют #системаРФ², представляет собой не что иное, как политику дискурса.

Дискурсивная реальность, дискурсивная политика, дискурсивное всё – так можно охарактеризовать пространство принятия политических решений в России. Не то чтобы симулякры Бодрийера «вернулись», но все то, о чем говорят, т.е. дискурс, чаще в российской политике

2 См. например Павловский Г.О. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод George F. Kennan. М: Европа. 2015

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

является копией без оригинала.

В этой связи особую актуальность приобретает символическая политика как борьба за способ интерпретации социальной реальности [6, с.180]. В современном политическом пространстве России именно «необходимая» интерпретация дискурса является важнейшей целью. Как отмечал Эрнесто Лаклау, «основная гипотеза дискурсного подхода состоит в том, что сама возможность восприятия, мысли и действия зависит от структурирования некоторого смыслового поля, которое предшествует любой фактической непосредственности» [7, с. 28].

Предметная область политического дискурса современной России (как национального, так и регионального) выражается не в виде «чистой идеи», а в конкретных знаково-символических формах, с помощью языковых единиц, речевых актов и средств выражения. Языковые единицы, речевые акты и средства выражения образуют текстовые единства, формирующие, в свою очередь, политическую семиосферу, то есть пространство, заполненное различными по природе языками — знаками. Особое место в этом знаковом пространстве занимает монументальная риторика. Все дело в том, что монументальная скульптура выступает одной из форм трансляции идеологических моментов; памятники, барельефы, скульптурные группы – все это используется в визуализации сюжетов, которые важны для государственной пропаганды. Монументальный образ более эффективен, нежели любая другая аргументация, поскольку ориентирован на наглядно-образное мышление.

В этом плане не является исключением монументальная скульптура российских этно-регионов, которая появилась в последние десять лет и которая репрезентирует идею «Родины-матери».

Цель настоящей статьи заключается в анализе знаково-символических форм монументальной риторики женских аллегорий этно-регионов России. Образ Родины-матери, по справедливому замечанию О.В. Рябова, в контексте символической политики актуализирует обращенную к родственным чувствам семейную метафору, обладает большим мобилизационным потенциалом [11, с. 110]. Кроме мобилизационной, концепт «Родина-мать» выполняет и другие функции в системе координат российского социального пространства: когнитивную (уподобление страны матери приближает вопросы политики к повседневному опыту индивида, редуцируя сложную проблему отношений гражданина и государства к понятным картинкам семейных отношений) и интегративную (символ Родины создает единое смысловое пространство; к тому же по своему значению он является символом природного, органичного, а потому вечного единства) [12, с. 83-84].

Объект исследования – символическая политика в России в 2000-2010-х гг. Предмет исследования – монументальная риторика материнских образов в этно-регионах страны.

Актуальность исследования, с одной стороны, связана с наметившейся в последние годы тенденцией к поискам региональной уникальности самых разных территорий страны. С другой стороны, выявление специфических черт регионального социального пространства оказывается в генетической взаимосвязи с поисками способов включения региона в более широкий контекст социального пространства всей страны. Региональная идентичность выступает не только в качестве своеобразного маркера с позиций внешнего наблюдателя, но она есть и система координат для членов сообщества [5, с. 83-84]. Онтологический статус региона как аналога «особого мира» определяет сущностную характеристику региональной идентичности, которая в широком смысле может быть сведена к осознанию человеком своей принадлежности к части Мира – региону. Эта сущностная характеристика проявляется в соотнесении смысложизненного центра человека с социальным целым – региональным сообще-

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

ством («внешняя» идентичность) – и с *genius loci* региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность). Принадлежность к части Мира, в данном случае, к единой стране предполагает, что региональная политическая система стремится включить в себя не только специфический набор знаково-символических форм, связанных с уникальностью территории, но и тех моментов, которые позволяют части (региону) подчеркнуть свою связь с целым (страной). В этом контексте постсоветская монументальная риторика материнских образов в этно-регионах страны, очевидно, выступает воплощением идеи «символического родства» этно-региональных сообществ с «семьей» «России–матушки».

Материнская монументальная риторика в контексте символической политики

Нужно согласиться с В.В. Абашевым в том, что в отдельных случаях «монумент может стать не только визуальной эмблемой места, но почти неистощимым в своей смысловой глубине высказыванием о природе и миссии страны или города» [1, с. 67]. В этом плане каждый монумент есть манифест определенной идеи или цели, а также идентичности (этнической, национальной, региональной и т.д.). В некоторой степени это и политическая квинтэссенция власти, выраженная монументальным языком. Однако, в этой ситуации важна «правильная» интерпретация, утвержденная самой властью. Впрочем, со временем смыслы, данные монументу, могут исказиться, дополняться, корректироваться или вовсе уничтожаться: «в моменты борьбы идентичностей толпа непременно начинает разрушать памятники и глумиться над ними, как если бы это были идола враждебной веры» [1, с. 67].

В любом памятнике присутствует как мифологическая, так и политическая риторика или, говоря языком исторического материализма, в любом монументе есть мифологический базис и политическая надстройка. Выстраивание якорных связей в едином монументальной форме между мифологическим и политическим – это задача скорее авторская, однако в российском случае (а вся история XX века это прекрасно иллюстрирует) это еще и коллективное творчество, зачастую инициированное властью. Опять же подчеркнем важность мысли В.В. Абашева о том, что художник всегда предъясвляет лишь памятник памятника, то есть возможную фразу монументального высказывания, а дальше уже власть утверждает свой «фундаментальный лексикон» сооружением конкретных памятников [1, с. 68].

Каждое монументальное высказывание характеризуется материальной стабильностью, поскольку, изначально созданное для конкретного пространства, оно не предполагает механического перемещения в дальнейшем. Хотя, конечно, есть множество примеров в посткоммунистических странах, где создавались так называемые монументальные парки истории (яркий пример тому – парк «Меморто» в Будапеште), и тогда механическое перемещение памятников являло пример скорее символического отказа от прошлого. Попытки смены монументальной риторики, как правило, приводят к общественным конфликтам; в этом и сила, и опасность памятников.

Монументы призваны о чем-то или о ком-то напоминать. Латинское *monumentum* происходит от глагола *monere* – внушать, напоминать, воодушевлять. Таким образом, уже этимологически зафиксированы основные функции монументального высказывания. Оно может только «напоминать», «воодушевлять» или «внушать», а может выполнять все эти функции одновременно, или использоваться в различных комбинациях. В рамках символической политики, которая, повторимся, определяет возможные способы интерпретации социальной ре-

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

альности, предполагается и символическая борьба за эти процессы, прежде всего, в процессах формирования идентичности.

Поскольку нас в данной статье интересует репрезентация символа «Родина-мать» в монументальной скульптуре этнических регионов России, то прежде чем переходить к непосредственному анализу форм, сделаем еще несколько уточнений.

Образ матери как таковой и «Родины-матери» в частности имеет в отечественной визуальной культуре богатую историю. «Россия-Матушка» – это узнаваемый символ русскости и в нашей стране, и на Западе. Будучи встроенной в сложную систему идей и концепций (русский мессианизм, Россия как «радикально Иное» Запада, женственность русской души, миф о русской женщине и др.), «Россия – Матушка»/ «Родина – мать» получила воплощение в философских, исторических и художественных текстах» [13, с. 33]. Выскажем здесь предположение, а ниже попробуем доказать его на примерах: в такой многонациональной стране, как современная Россия, образ родной земли, связанный с образом матери, служит фундаментом для выстраивания межэтнического диалога «семейного типа» (когнитивная функция символа «Родина-мать»). При этом форма этой «семьи», очевидно, может быть обозначена как «матрилокальная»: каждая этническая семья (группа), присоединившаяся когда-то к России, живет в «большой семье» Матушки. Каждая этническая семья оказывается связана символическими узами родства не только с Родиной-матерью, но и с другими этническими семьями, как бывают связаны родством «дочки» у одной «матери». Это как бы включение изначального «Чужого» в «Свое», родственное: усыновление или удочерение как более близкая форма или опекуновство как более отстраненная форма отношений (кстати, вполне уместная в контексте федеративного устройства). Здесь мы разделяем мнение ряда исследователей о том, что гендерный и национальный дискурсы не существуют отдельно, они формируют, поддерживают и корректируют друг друга. В этом контексте сама идея нации предполагает отношение родства. «Аналогия с семьей – это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей» [13, с. 34].

Использование образа «России-матушки» и «Родины-матери» в отечественной скульптурной и монументальной традиции насчитывает как минимум три столетия. История визуализации России в женском облике берёт начало в Петровскую эпоху и связана с сюжетом «Петр I, высекающий статую России», который появляется на личной печати царя-реформатора [11, с. 92]. Но это еще не монументальное высказывание, а некий проект, который, впрочем, реализован в полной мере в скульптуре так и не был [9, с. 93]. Возможно, что первой монументальной формой выражения идеи «России-матушки» в дореволюционный период была коленопреклоненная женщина, чья фигура венчает памятник «Тысячелетие России» (1862) [11, с. 94]. В конце XIX-начале XX века появляются другие по форме и замыслу скульптурные изображения «России-матушки», в том числе в городском пространстве³. С началом Первой мировой войны монументальное искусство уходит на второй план. «Россия – матушка» визуализируется в графике и активно используется в военном и революционном дискурсе [11, с. 97-99].

Вероятно, что новые формы материнской монументальной риторики возникают в Советском Союзе после Великой Отечественной войны. Это было время и поиска композиционных решений в скульптуре, и закладывание новой традиции. Победа в войне, обернувшаяся

3 Яркий пример – «Россия со щитом» - скульптурная группа работы М.Я. Харламова, установлена в Петербурге 1912 году на парапетной стенке здания, занятого впоследствии Северо-Западным пароходством. Отреставрирована в 1997 году.

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

горем для миллионов разрушенных семей, сформировала запрос на достаточно новый образ - скорбящей матери. О.В. Рябов отмечает, что «пожалуй, в каждом населенном пункте СССР был установлен мемориал павшим в Великой Отечественной войне воинам; чаще всего горе народа символизировала фигура скорбящей матери, как например, «Скорбящая Родина» (Е. Вучетич, 1946) в берлинском Трептов-парке или «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище в Ленинграде (В. Исаева и др., 1960)» [11, с. 105].

Очевидно, что наряду с этой тематической особенностью, когда скульптура каждой «Скорбящей матери» эмоционально указывала на утрату, понесенную Родиной (в лице воинов, семей, народов и пр.), в послевоенный период возникла и вторая сюжетная линия, выступившая, вероятно, продолжением плакатной темы Великой Отечественной войны, идущая от Ираклия Тоидзе. Монументальным выражением этой идеи, с одной стороны, покровительственно защищающей, а, с другой, нуждающейся в защите женщины-страны явились широко распространённые в 1950-1970 годы образы Родины-матери, установленные во многих союзных республиках. Яркими примерами этой тематической линии стали статуи «Родина-мать зовёт!» на Мамаевом Кургане в Волгограде, статуя «Родина-мать» на берегу Днепра в Киеве. Появились памятники «Родина-мать» в Узбекистане, «Мать-Картли» в Грузии, «Мать-Армения» в Армении и другие. Безусловно, советская пропаганда обращалась к использованию дореволюционного образа «России-матушки», однако на основе идеологической переработки, создания новых форм скульптурного выражения, «Родина-мать» стала особой формой монументального высказывания, которое, слегка видоизменяясь, породило значительное количество памятников на территории Советского Союза.

После распада СССР была проведена ревизия ценностей, идей и символов недавнего советского прошлого, что проявилось и в деконструкции образа Родины-матери. «Демонтаж советской «Родины-матери» отражается в возникновении новых образов женственной России» [11, с. 106]. Эта тенденция отчасти будет проявляться и в монументальной риторике, о чем пойдет речь ниже. Однако, как мы увидим, все новое – это хорошо забытое старое.

Начиная с 2000-х годов образ «России-матушки», «Родины-матери» стал активно использоваться в политической, прежде всего, предвыборной риторике. Правящая ныне партия «Единая Россия» своим названием на региональных выборах призывала к единству страны и нации. В сложных экономических условиях постельцинской России вполне мог состояться очередной парад суверенитетов. Однако выстраивание В. Путиным так называемой «вертикали власти» – системы управления, в которой местом принятия всех политических и финансовых решений стала Москва, значительно изменило ситуацию. Произошла первичная централизация власти. Затем реформа губернаторского корпуса 2005-2007-х годов (система прямых назначений Президентом РФ глав субъектов федерации) закрепила эту тенденцию. За время нахождения В. Путина у власти в регионах политические элиты существенно обновились, кое-где и вовсе сменились.

Появившаяся во второй президентский срок В. Путина кремлевская риторика об особенной роли России в эпоху общего кризиса западной цивилизации, а также оформляющаяся в последние годы концепция «духовных скреп», актуализировали не только дискуссию о глубине исторической памяти россиян, но и заставили региональные властные элиты обратиться к некоторым фундаментальным образам русского/российского мира, среди которых важное место занимает «Родина-мать» / «Россия-матушка». В регионах – особенно этнически однородных – началось новое мифотворчество со старыми идеями. С начала 2000-х годов в национальных республиках начали установку памятников, посвященных «этническим матерям».

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

Некоторые материнские образы в этно-регионах, как мы увидим, являются укорененными в культуре (в частности, в мифологии), но часть из них, очевидно, таковыми не являются. Это тема для отдельного исследования – выяснить то, как региональная культурная специфика проявляет себя в современных формах, и такая цель нами не ставилась. Ниже мы попытаемся лишь в первом приближении проанализировать постсоветскую монументальную риторику материнских образов в этно-регионах страны.

**Материнские образы в этно-региональной
монументальной риторике постсоветской России**

«Мать – Бурятия»

Одним из первых памятников матери, установленных в начале 2000-х годов, стала «Мать - Бурятия» работы Александра Миронина. Официальное название монумента «Гостеприимная Бурятия». Изначально скульптура была установлена в центре города на крутом краю возвышенности над улицей Ленина, являясь продолжением архитектурного комплекса театра оперы и балета. Тогда памятник явно не доминировал в городском пространстве. Известный улан-удинский монумент В.И. Ленину в виде головы вождя

на пьедестале (скульпторы Г. Нерода и Ю. Нерода) на площади у Правительства Республики Бурятия почти в два раза превосходил по размерам «Мать – Бурятию». Памятник В.И. Ленину вместе с постаментом имел высоту 14 метров, в то время как «Мать – Бурятия» всего 8. Однако в 2008 году монумент был перенесен к Селенгинскому мосту и установлен на новый восьмиметровый постамент. Сейчас «Мать – Бурятия» или «Гостеприимная Бурятия» является самым высоким памятником города – вместе с постаментом 16 метров. На новом месте скульптуру быстро окрестили «бурятской Статуей Свободы», а сам монумент стал главным символом пост-советского Улан-Удэ [2, с. 59]. По мнению А. Бреславского, создание «Матери-Бурятии» было отчасти инициировано городскими властями, в тот период скульптурная политика мэрии была «ориентирована преимущественно на артикуляцию идеи Улан-Удэ в качестве «города с азиатской душой», «столицы бурятского мира» [2, с. 91].

Скульптура представляет собой бурятскую женщину с нарочито подчеркнутыми азиатскими скулами и разрезом глаз. Заложенная автором монумента динамика, за счет поворота торса и отходящего назад подола платья, показывает направление навстречу гостю. «Мать – Бурятия» держит в руках традиционный бурятский хадак – длинный ритуальный шарф, который является символом гостеприимства, чистоты, бескорыстия и сострадания. В этом плане акцент на сострадании в символическом значении хадака, на наш взгляд, является важным. Поскольку сострадание – это, преимущественно, женская добродетель, которая в более широком контексте может быть выражена и понятием «милосердие». В цветовом решении бронзового памятника, которое находится в желто-зеленом диапазоне, хадак может быть интерпретирован и как символ плодородия, жизни, цветущей земли и матери-земли. Таким

“РОДИНА-МАТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

образом, в этом монументальном высказывании заложены как идея плодородия родной земли, так и идея жизни, исходящей от матери. Традиционная для бурятского костюма конусообразная шапка дополняет этот образ, подчеркивая остроконечной верхушкой идею процветания и благополучия бурятского народа [4, с. 22]. «Мать – Бурятия» в этом плане продолжает традицию «покровительствующих» монументов «Родине-матери». Примечательно, что в республике, помимо большой «Матери-Бурятии», есть и малая, которая установлена в Горячинске⁴. Отличие образов незначительно (схожая динамика, традиционный хадак и др.); однако волосы «горячинской матери» уложены в две косы, что, по бурятским традициям, говорит о ее статусе невесты⁵.

Так или иначе, но даже подчеркивание самобытности Улан-Удэ как «города с азиатской душой» было сопряжено с использованием вполне узнаваемого и работающего образа «Родины – матери», растиражированного в советское время и измененного в соответствии с запросами времени и спецификой локуса.

«Мать-Покровительница чувашского народа» («Мать Чувашия»)

Хронологически вторым был установлен памятник «Матери-покровительнице» (официальное название) в Чебоксарах, торжественное открытие которого состоялось 9 мая 2003 года. Его разработка была инициирована первым президентом республики Н.Федоровым⁶. В случае с Чувашией установку монумента называли символическим маркированием политического пространства одним человеком в республике и

актом, направленным на легитимацию его власти; в 2003 году издание «Вслух о...» написало⁷: «Суверенитет собирается по мелочам. У каждого уважающего себя президента есть свой Кремль... по личному проекту и под руководством президента в Чебоксарах был установлен 50-метровый бронзовый памятник «Мать Чувашии» стоимостью, по некоторым данным, в \$1,5 млн. «Я увидел во сне свою мать, – рассказывал Федоров журналистам. – Она стояла на берегу залива, и мне пришла мысль увековечить память обо всех матерях, о матери Чувашии...» По замыслу Федорова, металлическая громадина должна была представлять Чувашию «в образе матери-покровительницы, защитницы, хранительницы и продолжательницы рода и истории». По официальной версии, деньги на памятник собирали «всем миром»: в республике был объявлен «ниме» – ритуал добровольных пожертвований. А сколько в реальности потерял на

4 См. подробнее <http://livetraveling.ru/kurort-goryachinsk-i-skala-cherepaxa-na-bajkale/> (дата обращения 30.11.2015)

5 См. подробнее «Костюм в обрядовой жизни бурят»//доступно на URL: <http://www.ayaganga.ru/costumerite.htm> (дата обращения 30.11.2015)

6 С этим связано и «народное» название монумента – «Федоровская мать», см., напр.: <http://cheboksar.net/fun/2934-mat-pokrovitelnica-zavela-akkaunty-v-socialnykh.html> (дата обращения 01.12.2015)

7 Издание ныне не существует, однако копия материала сохранилась на сайте Компромат. RU

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

монументе небогатый республиканский бюджет, не знает теперь никто»⁸.

Автором монумента стал местный скульптор Владимир Нагорнов, который работал над монументом совместно с академиком А. Трофимовым, архитекторами В. Филатовым, Ю. Новоселовым, А. Орешниковым.

Памятник расположен на холме, обращенном в сторону Чебоксарского залива. Монумент представляет собой постамент из гранита, округлый в сечении, на его вершине – женщина в чувашском национальном костюме. По общему стилю и идее «Мать – покровительница» напоминает многие советские монументы «Родины-матери» с той лишь разницей, что в руках «Чувашии» нет меча или венка. Её руки разведены в стороны и как бы обращены к миру. Образ Матери был призван связать воедино многовековую духовно-историческую память чувашского народа. Распростёртые руки женщины в национальном одеянии приподняты до уровня плеч. Раскрытые ладони поданы вперёд. Такой жест для чувашской женщины-матери характерен лишь для особо торжественных встреч⁹. В это же время жест-символ связан также с покровительством: защищая свой народ, историю и землю, «Мать – Чувашия» покровительствует многонациональному населению республики. На самом пьедестале на русском и чувашском языках сделана надпись «Благословенны дети мои, живущие в мире и любви». Высота фигуры вместе с постаментом составляет 46 метров. «Мать–покровительница» стала самым высоким памятником, созданным на тот момент в Чувашии.

Вокруг монумента, сразу после его установки, развернулась общественная дискуссия. Часть горожан считала, что памятник в определенной степени обращается к традициям чувашского эпоса, что, конечно, неплохо. Однако в день открытия был совершен молебен и освящение памятника, а это в православной традиции было расценено как идолопоклонство. Иерей Андрей Берман, являвшийся настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в городе Чебоксары, и его паства направили письмо на имя митрополита Варнавы, в котором указали, что монумент «Матери-Покровительницы» имеет религиозный языческий характер, восходящий к чувашскому эпосу. Соответственно митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава (Кедров), который совершил освящение, был обвинен в грехе идолопоклонства [См. подробнее 9]. Местная епархия РПЦ быстро урегулировала конфликт; иерея Андрея Бермана уволили за штат, ему запретили служения.

Действительно, с одной стороны, обращение рук к Небу, с другой стороны, жест, похожий на объятие Древа Жизни, – все это отчасти указывает на чувашские языческие корни. Однако власти очень быстро смогли скорректировать возникшую интерпретацию. Во-первых, все чаще стала подчеркиваться в местных СМИ идея подобия памятника монументу «Матери – Родины» на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге. Хотя на самом деле сравнение, предложенное властью, не очень уместное. «Родина - мать» на Пискаревском кладбище – это продолжение «скорбящей» линии памятников, посвященных павшим воинам и утрате, в то время как по стилистической задумке и воплощению «Мать – Чувашия» – это явно «покровительствующая» линия.

Во-вторых, были предложены и другие интерпретации монумента, которые уже не коррелировали с чувашским языческим эпосом. В частности, «Мать-Покровительницу» сначала в местных СМИ и блогах начали сравнивать со статуей Христа в Рио-де-Жанейро, а затем эта идея проникла и на федеральный уровень. Так, например, в год десятилетия монумента

8 http://www.compromat.ru/page_13373.htm (дата обращения 01.12.2015)

9 См. подробнее <http://baryshov.livejournal.com/43297.html> (дата обращения 01.12.2015)

“РОДИНА-МАТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

та в федеральном журнале «Регионы России» вышла статья о Чебоксарах, в которой автор писал: «Издаലെка кажется, что это копия бразильского Христа, увидев которую, Остап Бендер отказался бы от командировки в Рио-де-Жанейро. И поторопился бы: ведь это монумент Матери-покровительнице, силуэтом, однако, напоминающей Христа, то ли распятого на невидимом кресте, то ли готового принять в свои объятия всех несчастных» [14]. Несмотря на разнотолки в прочтении монументального высказывания, «Мать – Чувашия» стала символом не только города, но и всей республики, достопримечательным местом. В год десятилетия памятника у монументального образа появились даже собственные аккаунты в социальных сетях «twitter» и «ВКонтакте» [8]. Стоит также заметить, что и Мать-Чувашия, и Мать-Бурятия в последние годы стали широко растраживаемыми образами за счет использования их в сувенирной продукции¹⁰.

Бронзовый символ Югры («Мать – Югра»)

В 2005 году к 75-летию Ханты-мансийского автономного округа в столице региона был открыт «Бронзовый символ Югры» (официальное название). Памятник представляет собой 12-метровую бронзовую женскую фигуру, символизирующую Югру и её материнское начало, объединяющее представителей коренных малочисленных народов Севера, нефтяников и ученых, взрослых и детей. Пьедестал украшен традиционными хантыйскими и мансийскими орнаментами. В отличие от упоминавшихся выше мо-

нументов, авторы которых были местными художниками, «Бронзовый символ Югры» создал скульптор из Москвы А. Ковальчук.

Примечательна двухуровневая вертикальная и трехуровневая горизонтальная композиция памятника. Нижний уровень представляют собой три скульптурные группы (условная горизонталь), иллюстрирующие историю Югры: прошлое, настоящее и будущее территории. Так, минувшее Югры представляют Нестор-летописец, покоритель Сибири Ермак, Самар-глава хантыйского рода, князь Белогорского княжества, и боярин с верительной грамотой. Сегодняшний день – это нефтяник, строитель и геодезист. Символом же будущего округа являются дети – девочка со скрипкой и мальчик с рюкзаком. Второй уровень (по вертикали) – это женская фигура, символизирующая собой Югру. Явный материнский, покровительствующий образ. Подобная композиция монумента и структура монументального высказывания отсылают нас к памятнику «Тысячелетие России» (1862), определенная аналогия с которым прослеживается. Разница в количестве скульптурных образов. Монументальное выражение уточняется и текстовым: «Югра многоликая, делами великая, идет вдохновенно вперед».

В отличие от «Матери-Чувашии», в которой явно присутствует отсылка к этническо-

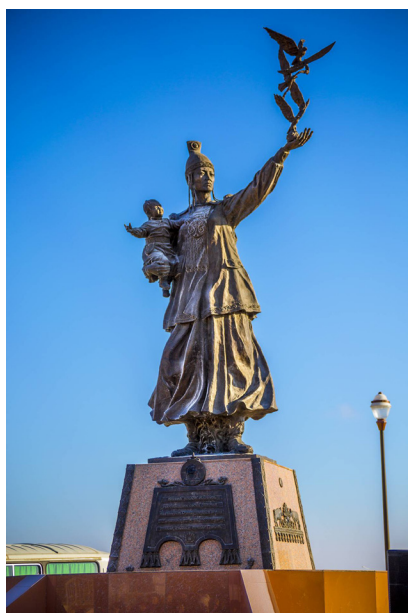
10 См. напр. <http://www.listok.org/index.php/production/suvenirnaya-produktsiya/suvenirny-s-natsionalnoj-simvolikoj/suvenirnye-kompozitsii/suvenirnaya-kompozitsiya-v-ramke-chuvashiya-i-mat-pokrovitel'nitsa-gorizontalnaya-ckg-02-detail> и http://souvenir80.ru/Shop/product/suvenirnaya_statuya_mat_buryatiya/

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

му эпосу, образ «Матери–Югры», скорее всего, мало связан с хантыйской и мансийской мифологией. В иерархии главных божеств манси входит Калтащ-эква (Калтась-анки), которая и олицетворяет собой женщину-мать. В образе Калтась совмещаются черты Матери-земли, Жизнеподательницы и предка. Первоначальное значение имени богини у манси Калтась – «пробуждающая, рождающая, создающая» [3]. Она оказывает помощь беременным женщинам и роженицам. От неё зависит, от кого из умерших старших родственников новорожденный получит душу. Её наряд (у манси) — соболья ягушка и шелковый платок, у хантов — цветной плащ. Пожалуй, только атрибут одежды бронзовой матери и отсылает к Калтась. Образ молодой девушки уже не соответствует мифологии. Поскольку манси, например, очень часто представляли Калтась в виде взрослой или даже пожилой женщины (Ань-эква). Женские образы и хантов, и манси чаще связывались с чувством утраты, создавали ощущение скорби. В деревянных и бронзовых фигурках это делалось через передачу мимики лица или за счет включения дополнительных образов детей. Впрочем, присутствие в «Бронзовом символе Югры» детей тоже может быть частичной отсылкой к мансийской мифологии. Но скорее всего, эта связь очень слабая. Лицо «Матери–Югры» скорее вдохновенно созерцающее, покровительствующее, нежели скорбное.

Помимо памятников с явной этнической нагрузкой, в середине нулевых в регионах России стали устанавливать монументы, связанные с ратными подвигами и воинскими потерями, что стало продолжением советской традиции «скорбящих» матерей. Яркие примеры этому – «Скорбящая мать» в Башкирии (скульптор Николай Калинушкин, 2003 год) и в Челябинской области (скульптор Владимир Жариков, 2004 год). Многие такие монументы открывались в преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Затем наступило затишье. Новый этап возведения материнских монументов в регионах России начался с 2010-х годов.

«Мать – Якутия»

В 2012 г. в год празднования 380-летия основания города Якутска на берегу Сайсарского озера в столице Республики был установлен памятник матери. Автор скульптуры местный художник А. Романов. В интервью местному информационному агентству он так обозначил идею монументального высказывания: «Скульптурная композиция представляет собой фигуру матери, с руки которой слетают три сокола – сыновья, улетевшие на войну. Они несут батас, символизирующий их оружие. На другой руке у женщины ребенок, он символизирует будущее Якутии, поскольку все три ушедших на войну сына погибли. Прототипом женщины стала бабушка Сайсары, одна из первых поселенок этого озера. Ее головной убор напоминает шлем, поскольку она была предводительницей. Кстати, в каждой детали орнамента одежды тоже есть сакральный смысл. Вообще у каждой страны, республики есть памятник, которой ее символизирует – например, в Америке это Статуя свободы. А Памятник матери – это, в принципе, наш символ» [10].

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

В монументальном высказывании присутствует явная отсылка к якутскому героическому эпосу «Олонхо», в котором одной из главных героинь, наряду с богатырями из племени Айыы, выступают и богатырки рода людей. Как правило, богатырки наделены множеством необыкновенных качеств (силой, умом, красотой). Основная цель их существования — выполнение предназначенного судьбой: борьба за создание семьи, защита интересов рода, племени или всех людей. В «Матери – Якутии» очевидно, что образно воплощены эти цели. Помимо этого, как и во всех вышеназванных примерах материнских памятников, в якутском случае также присутствует метафора земли – матери всего города. Прежде всего, «Якутия» запечатлена в форме не просто женщины, но женщины с ребенком – надеждой рода и земли на светлое будущее. В якутском героическом эпосе земля наделяется сакральными материнскими качествами, как и в преданиях других этносов. В «Олонхо» уже в самых первых песнях, связанных с космогонией, мать-земля присутствует:

*Осьмикрайняя,
Об осьмиободах,
Бурями обуянная
Земля — всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках[15].*

Совмещение образов якутской женщины с ребенком, Первоматери всех якутов, родной земли-матери в одном монументальном высказывании, безусловно, авторская заслуга Афанасия Романова. Однако в более широком контексте «Мать – Якутия» может пониматься и как частный образ этноса, включенный в целое российской нации на правах дополнения к мета-образу «Родины – матери».

Основные выводы

Все новое монументальное творчество в регионах, связанное с идеей «Родины – матери», оказалось продолжением уже заложенных в дореволюционное и советское время традиций.

Всплеск материнской монументальной риторики в этно-регионах России, вероятно, оказался связанным с легитимацией новых политических элит, которые с начала 2000-х годов стали активно включаться в мифотворчество на местах, транслируя старые смыслы в новых формах. Особенное место в символической политике этно-региональных элит стали занимать монументальные высказывания, которые выступали частью политики региональной идентичности. Как правило, они призваны выразить идею уникальности той или иной территории в контексте туристической индустрии (например, «Пермяк - соленые уши», «Памятник пельмени в Ижевске» и многие другие). Однако рассмотренные в нашей статье монументальные высказывания, связанные с женскими аллегориями регионов, представляют собой примеры иного мифотворчества. Отражая имеющую глубокие исторические корни идею, они позволяли маркировать пространство города/региона в категориях значимой *части*, встроенной в *целое* «России – матушки».

Материнская монументальная риторика в этно-регионах России представляется разной по форме высказывания, однако, схожей по содержанию. Образ родной земли, совмещенный с образом матери, нашел отражение в самых различных по своему исполнению памятниках. В

**“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

некоторых монументах доминирует мифология, а в некоторых история и политика. Так или иначе, но такие материнские образы в скульптуре призваны были вдохновлять на подвиг, вызывать сострадание, сочувствие.

Закрепленный в монументальной риторике образ родной земли, связанный с образом матери при отсутствии взвешенной национальной политики (как, например, это было в СССР) служит важным ориентиром для выстраивания диалога «семейного типа» между различными этносами страны, когда нация, в конечном счете, воспринимается как большая семья. При этом каждый такой монумент в этно-регионе выступает и в качестве «дочки» по отношению к «матери России», и в качестве собственной «матери» того или иного этноса. С позиций региона подобные материнские образы воспринимаются как «правила грамматики» для семейной коммуникации между малой и большой Родиной. Страна и этно-регион монументально связываются архетипическими идеями родства, высказываниями матриликального характера. Этническая территория с помощью такого символического маркера, как монумент вписывается в пространство «России Матушки».

Библиография

1. Абашев В.В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города//Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. №1. С.66 – 79
2. Бреславский А.В. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. 2012
3. Гемуев И.Н. Народ манси: воплощение мифа// доступно на URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=gem7.htm&id=710> (дата обращения 28.08.2015)
4. Дагданова М.Б. Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцирующие функции// автореферат дисс.на соискание ученой степени канд.истор.наук/Бурятский научный центр СО РАН. Улан – Удэ, 2005
5. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ//диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ивановский государственный университет. Иваново, 2011
6. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России//Политэкс. 2012.Том 8. №4
7. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического пространства. М.: Новое литературное обозрение. 2009.
8. «Мать-покровительница» завела аккаунты в социальных сетях//доступно на URL: <http://cheboksar.net/fun/2934-mat-pokrovitel'nica-zavela-akkaunty-v-socialnykh.html> (дата обращения 16.08.2015)
9. «Мать-Покровительница» породила распри в Чебоксарах//доступно на URL:<http://www.religio.ru/26May2003/news/5952.html> (дата обращения 15.08.2015)
10. На памятник Матери пришлось взять кредит// доступно на URL:<http://news.ykt.ru/article/5534> (дата обращения 17.08.2015)
11. Рябов О.В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России//Вестник Тверского государственного университета. Серия "История". 2014. № 1. С. 90– 113
12. Рябов О.В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4.— С. 78-95
13. Рябов О.В. «Родина-мать»: история образа//Женщина в российском обществе. 2006. №3. С. 33 – 46
14. ШУПАШКАР (ЧЕБОКСАРЫ) Последние из могикан Волжской Булгарии//доступно на URL:<http://www.gosrf.ru/journal/104/> (дата обращения 16.08.2015)

“РОДИНА-МАТЬ”
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

15. Якутский героический эпос «Олонхо». Нюргун Боотур стремительный. Песнь первая//доступно на URL:<http://www.litmir.co/br/?b=196518>

References

1. Abashev V.V. Permskaja monumental'naja ritorika mestnoj identichnosti: pamjatniki, jemblemy i art-obekty v prostranstve goroda//Labyrinth. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. 2015. №1.S.66 – 79
2. Breslavskij A.V. Postsovetskij Ulan-Udje: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991-2011 gg.). – Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta. 2012
3. Gemuev I.N. Narod mansi: voploshhenie mifa// dostupno na URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=gem7.htm&id=710> (data obrashhenija 28.08.2015)
4. Dagdanova M.B. Tradicionnyj zhenskij kostjum zapadnyh burjat: differencirujushhie funkicii//avtoreferat diss.na soiskanie uchenoj stepeni kand.istor.nauk/Burjatskij nauchnyj centr SO RAN. Ulan – Udje, 2005
5. Dokuchaev D.S. Regional'naja identichnost' rossijskogo cheloveka v sovremennyh uslovijah: social'no-filosofskij analiz//dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk / Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. Ivanovo, 2011
6. Malinova O.Ju. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoj politiki: jevoljucija diskursa vlastvujushhej jelity v postsovetskoj Rossii//Politjeks. 2012.Tom 8. №4
7. Morozov V. E. Rossija i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo prostranstva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009.
8. «Mat'-pokrovitel'nica» zavela akkaunty v social'nyh setjah//available on URL: <http://cheboksar.net/fun/2934-mat-pokrovitel'nica-zavela-akkaunty-v-socialnykh.html> (last visit 16.08.2015)
9. «Mat'-Pokrovitel'nica» porodila raspri v Cheboksarah// available on URL: <http://www.religio.ru/26May2003/news/5952.html> (last visit 15.08.2015)
10. Na pamjatnik Materi prishlos' vzjat' kredit// available on URL: <http://news.ykt.ru/article/5534> (last visit 17.08.2015)
11. Riabov O.V. «Rodina-mat'» v istorii vizual'noj kul'tury Rossii//Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istorija". 2014. № 1. S. 90– 113
12. Riabov O.V. «Rodina-mat'» v simvolicheskoj politike postsovetskoj Rossii // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2015. № 3-4.— S. 78-95
13. Riabov O.V. «Rodina-mat'»: istorija obraza//Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2006. №3. S. 33 – 46
14. ShUPASHKAR (ChEBOKSARY) Poslednie iz mogikan Volzhskoj Bulgarii//available on URL: <http://www.gosrf.ru/journal/104/> (last visit 16.08.2015)
15. Jakutskij geroicheskij jepos «Olonho». Njurgun Bootur stremitel'nyj. Pesn' pervaja// available on URL <http://www.litmir.co/br/?b=196518> (last visit 16.08.2015)